

Д.Д. САНЖИНА

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНЫХ ИМЕН ПЕРСОНАЖЕЙ БУРЯТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

В художественных произведениях антропонимические наименования почти всегда отличаются емкостью, глубиной и максимальной значимостью. Они содержат большую лингвистическую, литературоведческую, историко-культурную и иную информацию. В произведениях на историческую тему ономастический материал служит одним из стилеобразующих средств для воспроизведения прошлой эпохи.

Определенный интерес в этом отношении имеет характеристика антропонимов в бурятских исторических романах. Материалом для данной статьи послужили романы трех бурятских писателей, являющиеся наиболее значительными как в литературно-художественном отношении, так и с точки зрения изображаемых событий: роман Б. Санжина "Заяанай зам" ("Путь праведный"), посвященный ранней истории бурят в составе Российского государства (конец ХУП - начало ХУШ вв.), зарождению дружбы между бурятами и русскими в единой борьбе против маньчжурских завоевателей; диалогия Ч. Цыдендамбаева "Банзарай хубуун Доржо" ("Доржи, сын Банзара"), "Турэл нутагһаа холо" ("Вдали от родных степей") - о первом бурятском ученом Доржи Банзарове (середина XIX в.) и трилогия Д. Батожабая "Төөригдээн хуби заяан" ("Похищенное счастье") - об историческом времени на рубеже двух веков - XIX и XX.

Бурятские антропонимы, как известно, подразделяются на исконно бурятские¹ по своему происхождению и тибетские², которые стали распространяться на востоке Бурятии вместе с проникновением буддизма со второй половины ХУП века.

Наиболее древними антропонимами у многих восточных наро-

дов, по мнению специалистов, являются личные имена, по этимологическому значению прозрачные, имеющие параллели в апелляциях. Обычно они образованы от названий животных, птиц, растений и др.³ Р.Л. Сельвина справедливо отмечает: "По всей видимости, данная категория личных имен - реликт очень древних тотемистических представлений, бытовавших у далеких предков монголоязычных народов"⁴.

Антропонимы этого ряда, по классификации А.Г. Митрошкиной, представляют собой словообразовательные значения типа: "X не есть человек, X есть..."⁵. Это так называемые "охранные имена", которые были со временем вытеснены в Восточной Бурятии тибетскими. Закономерно поэтому их употребление в исторических романах для верного отражения прошлой эпохи.

Приведем примеры из романа Б. Санжина "Заяанай зам", посвященном, как известно, более ранней истории бурят.

Например, Булган 'соболь' - женское имя, калм. Булгн, монг. Булга(н): "...бодонгуудай зайяанай Һамган Булган, марлатайшаг сула эхэнэр..." - "...жена зайсана бодонгутов Булган, полноватая, крепкая женщина..."

Из-за отсутствия в бурятском языке грамматического рода мужские и женские личные имена внешне не различались. (Правда, в последнее время под влиянием русского языка при помощи суффикса -а образуются женские имена: Саян - Саяна, Баир - Баира, Чимит - Чимита). Имя Булган встречается в "Сокровенном сказании"⁶.

Нашан 'кречет, сокол'; бох. 'ястреб', мужское имя, монг. Начин: "Залмын дуу хубуун Нашан аяга барина, духаря ябуулна" - "Младший брат Залмы Нашан подает чашки, разносит чарки".

Харсага 'ястреб', мужское имя, калм. Харцх, монг. Харцгай: "Энээнэй Һүүлээр Охин тайшаа дурадхалаа абтагдаан дээрэ тооложо, Харсага шуулингые Тушэгуундэ эльгээхээр томилбо" - "После этого Окин-тайша, посчитав, что его предложение принято, назначил для отправки к Тушегуну шуленгу Харсага".

В романах встречается очень интересное и своеобразное явление в антропонимике монгольских народов - "ооименование", по определению А.Г. Митрошкиной⁷, - наречение детей в семье семантически связанными, созвучными именами. Это своеобразное явление бурятской антропонимии, возникшее в глубокой древности, служило "...лингвистическим средством разграничения людей по

'кровному родству и было ориентиром при реализации левирата, экзогамии и т.п.

Вполне закономерно этот факт отражается в рассматриваемых исторических романах. Например, в романе Санжина детям в семье дают семантически однородные древние имена: Тэхэ 'козел' (некастрированный), калм. Тек 'дикий козел' и Хурьган 'ягненок', монг. Хурган: "Бэриие абаашахая Бадантай ерэгшэдэй дунда ну - бэлгэн бэрхэ хубууд: арбан найма нахатай Шодо Болтирогой, наа бараан Тэхэн дуу Хурьган бии нэн" - "Среди приехавших с Баданом за невестой хорошие, сметливые ребята: восемнадцатилетний Шодо Болтироков, был и Хурьган, младший брат умершего Тэхэ".

В современном бурятском именнике нет имен Тэхэ, Хурьган, сохранились лишь фамилии, образованные от данных апеллятивов: Тыхеев, Хуриганов.

Кроме этого, в романе Санжина сыновья главного героя Туракая Табуна носят абсолютно созвучные имена: Бадан - от монг. бада(н) 'род сабли' - это древнее имя, существовавшее во времена создания "Сокровенного сказания" и упоминаемое в нем; Батан - от бата 'крепкий'. Первое имя ныне уже не употребляется, второе широко распространено у всех монголоязычных народов, в бурятском - Бата, Бато, монг. Бат.

В трилогии Батожабая сыновья главного героя Аламжи называются Вулад 'сталь' - широко распространенное у тюркских и монгольских народов имя (монг. Болд), и Балбар, вероятно, это древнее "охранное имя", образованное от антропоосновы балба-'зыбиться, колебаться', то есть 'нечто колеблющееся, трясущееся, не человек'. Созвучие имен у детей в одной семье представляет собой так называемое рифмование по горизонтальной линии родства.

Существует также рифмование и по вертикальной линии, когда имя детей созвучно с именами родителей или прародителей. Например, в дилогии Цыдендамбаева встречаем имена, образованные при помощи экспрессивно-оценочного суффикса -хан: Аюхан - имя матери, ее дети - Затагархан, Сэсэгхэн (конечная аллитерация). Первое имя, очевидно, образовано от Аю (тюркское нарицательное название медведя) + уменьшительно-ласкательный суф. -хан. Имя Аю бытовало в прошлом у монгольских народов, в частности у калмыков. Данная антропооснова содержится и в современном бурятском имени Аюр.

Затагархан - от затагар 'засаленный, грязный' + суф. -хан. Это имя можно отнести к "охраным", Сэсэгхэн - от сэсэг 'цветок' + суф. -хан, монг. Цэцэг. Использование данного уменьшительно-ласкательного суффикса помогло писателю выразить глубокое сочувствие и сострадание к семье бедной, прикованной к постели Аухан: "Углөө мүнөө үхэхээ хэвтээн хайрата Ауханай гурбатайхан Сэсэгхэн..." - "Трехлетняя Сэсэгхэн, дочь Аухан, лежит больная, и осталось ей жить всего сегодня-завтра".

Следующий пример из этого же романа: Ванзар - Боргон, рифмуется имя сына с именем отца: Боргоной Банзар - Банзар Боргонов, отец Доржи Банзарова. Данный факт интересен тем, что он представляет нам подлинных исторических людей и реально подтверждает это своеобразное явление в бурятской антропонимии, которое в настоящее время не столь характерно. Указанное явление бытовало и у тюркских народов¹⁰.

В романе Б. Санжина находим очень редкое личное имя Шоно^{II} 'волк', калм. Чон, монг. Чоно. Этим именем автор называет одного из отрицательных персонажей, уже в имени заключая экспрессивно-эмоциональную оценку герою. Очень тонко через восприятие и характеристику действующих лиц показаны выразительные возможности этого имени, раскрывается образ героя. Так, например Либентий говорит, обращаясь к нему: "Шонын бэлтэргэ шэнги юндэ хүнэй урдааа сэхэ харанагуйбши?" Энээнээ түрүүн хүнэй нүүр сэхэ харадаггүй байханаа Шоно наал ойлгобо" - "Почему ты, как волчонок, не смотришь прямо людям в глаза?" Только сейчас Шоно понял, что до этого он действительно никогда не смотрел людям в глаза".

Герой настолько скомпрометировал себя, что его имя становится нарицательным: "Тэрэ Шоно гэжэтнай ёртойл шоно болоо байна" - "Тот ваш Шоно (Волк) и в самом деле настоящий волк" (говорит старик Туракай).

В романах Цыдендамбаева и Батожабая герои не носят имен, образованных от названий животных и птиц, так как в сюжетах их отражается более позднее историческое время и подобные имена уже были менее распространены. Однако в диалогии Цыдендамбаева находим такие древние антропонимы, как Гүлгэн 'щенок', монг. гөлөг(өн), Буха 'бык', калм., монг. Бух, Тэхэ 'кастрированный козел'. Данные имена употребляются в речи главного героя Доржи Банзарова и представляют собой первое научное определение

"охранных имен" в монгольской антропонимии: "Гулгэн, Буха, Тэхэ гэжэ байжа нэрэнүүд манда бии ха юм. Муу заяанһаа эрлигэй элшэ ерэхэдээ, ухибуун бэшэ, харин гулгэн, нохой, буха, тэхэ хэбтэнэ гэжэ эндүүрээд, абангуй ошожо болохо гэжэ түрэлхиднь найдана ха юм. Хүнэй ухибууд бэшэ, харин "муухай үнэртэй амитанай" гу, али "нохойн хүхэ хүхээн" юмэнэй хэбтэжэ байхада, муу заяаншье жэрхэжэ буруу бухаха ушартайл" - "У нас ведь есть имена Щенок, Бык, Козел. И родственники надеются, что, когда придет посланник от злого духа (заяна), он ошибется и не возьмет их, так как будет лежать не ребенок, а щенок, собака, бык или козел. Злые духи побрезгуют и будут вынуждены уйти, потому что лежит не человеческое дитя, а "вонючее существо" или "существо, сосущее собаку". Здесь мы сталкиваемся с очень редким и интересным стилистическим приемом, где важен не столько ономастический материал, сколько оценка, восприятие его героем.

В романе Ч. Цыдендамбаева встречаются очень древние и редкие, ныне не употребляемые мужские имена: Ухинхэн - Ухин 'девица, девушка' + суф. -хан: ...орбогорхон эшэгы гэртэй Ухинхэн 'Ухинхэн, имеющий неказистый войлочный домик'; Харакшан - 'черная корова, ворона, лошадь'. Пример: "Шулуутай тэбсэг дээрэ хонипон хубууд холо ойрые шэртэн нуунад. Хамагыа ахань Харакшан... "Поглядывая по сторонам, сидят на каменистом выступе ребята-пастушки. Самый старший из них Харакшан..."

Данные имена также относятся к "охранным".

Устаревшими и почти не употребляющимися ныне являются имена, мотивированные различными обстоятельствами, связанными с моментом рождения ребенка. Это так называемые числовые имена, широко бытовавшие в монгольских, тюркских, а также, как указывают специалисты, в индоевропейских, семитских и др. языках¹².

Жарантай - от жаран 'шестьдесят' + суф. обладания -тай, калм. Джирн. Этим именем назван один из персонажей в романе Б. Санжина: Жарантайн утаатай гэрхэн 'дымный домик Жарантая'. Говоря об образовании подобных имен, А.Г. Митрошкина замечает, что числительные выше десяти имели антропонимическое значение: "Х родился, когда отцу было столько-то лет". Например: Дучин - от дүш(н) 'сорок', Табита - таби(н) 'пятьдесят' + суф. обладания -та¹³.

Древними считаются имена-характеристики, образованные от

прилагательных. Часто в качестве антропоосновы выступают прозвища с негативной семантикой. Так, одним именем названы отрицательные персонажи: богатеи Марха - от марха(гар) 'большой картошкой' (о носе) - в романе Б. Санжина и Мархансай - в дилогии Ч. Цыдендамбаева. Эти имена образованы от одной основы, имеют разную огласовку.

Кроме того, Ч. Цыдендамбаев в своем романе устами персонажей называет этого героя прозвищем, характеризующем его: "Бодо сааша, Мархансайтан-нохонсойтон хонидоо гаргажа байна ёьотой", - гэжэ Үрдэмтэ гэдэргээ эрьенгуй дуугарна" - "Давай вставай, собачьи дети Мархансаевы, должно быть, уже выгоняют своих овец", - не оборачиваясь, сказал Үрдэмтэ".

Следует подчеркнуть, что писатель всегда мастерски использовал антропонимические замечания самих героев, естественно раскрывая выразительные возможности собственных имен, их эмоционально-экспрессивную наполненность.

К рассматриваемому разряду имен-характеристик относится и антропоним Шодо - от шодогор 'тонкий и короткий' (о хвосте), встречающийся в романе Санжина: Шодо гэжэ нэрэтэй, Болтирогой хүбүүн... 'сын Болтирога, зовут его Шодо...' (Это имя исторического лица Шодо Болтирокова - родоначальника хоринских тайшей).

По мнению А.Г. Митрошкиной, семантическая основа имени Шодогор имеет негативный оттенок¹⁴. Однако с этой оценкой нельзя согласиться, потому что здесь, напротив, проявляются любовь и нежность родителей, вызванные трогательным обликом младенца.

Отметим, что имена-характеристики чаще встречаются в дилогии Цыдендамбаева. Здесь находим еще такие имена:

Борхоног - от борхо(гор) 'невзрачный, захудалый': "Борхоног ульгэршэ бии эм гэжэ Доржо найн мэдэхэ байгаа" - "Доржи хорошо знал, что есть сказитель Борхонок".

Бужагар 'здоровый, крепкий, могучий': "Бужагарай, Сундайн буусанууд бүришье олон таршаагаар исална" - "Усадьбы Бужигара и Сундая еще более кишат кузнечиками".

Холхой - от холхо(гор) 'надутый' (о губах, щеках): "Холхойн, Буянтын, Ухинхэнэй, Даржайн сабшалангай газарнууд гандашод, эрээлжэ нууна"... - "Пестреют от засухи покосные земли Холхоя, Буянты, Ухинхэн, Даржай".

Поздними по происхождению по отношению к рассмотренным

выде именам считаются имена, образованные от предметов быта, орудий труда. Так, например, Б. Санжин, верно отражая наличие шаманизма у хоринских бурят, именами Балта 'молот, кувалда' (ср. Балт 'секира, боевой топор' - мужское имя у калмыков), Танха 'чугунный кувшин для перегонки молочной водки' называет шаманов: Балта-аба гэдэг заарин бөө 'называемый отец-Балта, шаман самого высокого, 9-го посвящения'; тэрэ хирэндэ уггэн Танха бөө орожо ерээд... 'в это время вошедший старик, шаман Танха...'. Эти имена ныне также вышли из употребления, но существуют фамилии, образованные от них, напоминая о наличии данных антропонимов в прошлом: Танхаев, Балтаев.

Редким, почти неизвестным современным людям, является имя Сундай - от сондой 'кисет'. Так называют мальчика в романе Цыдындамбаева: Сундайн эсэгэ Мунхэ баабай 'отец Сундая Мунко-бабай'.

Большой экспрессивный заряд содержится в имени Лонхо 'бутыль, флакон'. Употребление его Батожабаем по отношению к богачу точно соотносится с внешностью изображаемого героя: ...тарган шара Лонхын дуугардаг үгэнүүд... - ...слова, произносимые толстым, желтым (светлым) Лонхо... Здесь писателю удалось использовать эмоционально-выразительные возможности этого имени в соотношении с образом действующего лица.

Как известно, монголы в XIII веке имели только личное имя. Однако уже в "Сокровенном сказании" встречаются имена, идущие в паре с прозвищем: Дува-сохор (Дува-слепец), Наху-баян (Наху-богач). Отличительным признаком родовой аристократии являлись титулы, добавлявшиеся к личным именам, - пишет Н.Л. Жуковская¹⁵. Например: хаан (qayan) 'правитель', тайжа (taiji) 'дворянин, сановник, знатный человек' - кит. dai-si 'наставник, учитель', сайд 'сановник, вельможа', зайхан, шуулингэ 'зайсан, шуленга', административные чины в дореволюционной Бурятии", тайшаа 'родоначальник, председатель степной думы' и др.

Истории известны случаи полной замены имени титулом. Так, Чингисхан - это не что иное, как титул правителя средневекового монгольского государства, под которым он вошел в историю (чингис + хан, чингис - от тюрко-монгольского tengiz, tenggis 'океан', 'великий', 'необъятный'). Его же собственное имя Темучин исчезло из официального обращения после того, как он стал главой монгольской империи¹⁶.

Обычай замены имени уходит корнями в глубокую древность и связан с шаманскими запретами называния имен, чтобы не привлекать злых духов. Со временем в среде знати этот обычай превратился в обычай названия по титулу, а в народе – замены имени на новое в случае болезни или выздоровления.

В рассматриваемых бурятских исторических романах употребление имен с добавлением титула естественно и закономерно, так как оно способствует реальному восстановлению изображаемой эпохи.

Например, это имена подлинных исторических деятелей, встречающихся в романе Б. Санжина: Бошогто хаан, Тушөөтэ хаан (Тушету хан) – монгольские правители XIII века; легендарный Шэлдэй занги – возможно, имя образовано от прилагательного шэлдэй 'черствый' (о хлебе), 'упругий, твердый' + занги – маньчж. 'низшее должностное лицо'; Эрхэ хун тайжа – от эрхэ 'нежный, капризный, избалованный' (монг. эрхэ) + хун тайжа 'третий сверху по иерархической лестнице монгольских феодалов минской династии титул', ему предшествовали звание джинонга 'соправитель', а во главе стоял хан¹⁷. Имя Эрхэ хун тайжа встречается в русских исторических документах и исследованиях как Ирки контазий или просто Контазий¹⁸, получив фонетическую адаптацию.

Названные выше имена невозможно назвать без титула, не нарушив значения. Это относится также к таким антропонимическим номинациям, встречающимся в романах, как Ван Тумэр 'Тимур правитель', түмэр 'железо', монг. төмөр, тюрк. темир. Популярное у монгольских и тюркских народов имя Лубсан ноён 'Лубсан начальник', тиб. blo-bzan 'хороший ум' (у Батожабая); Тэгшэ зайсан 'Тэгшэ зайсан' – имя образовано от прилагательного тэгшэ 'ровный', монг. тэгш (у Цыдендамбаева) и др.

Пышными титулами сопровождаются и имена религиозных деятелей буддизма. В большом количестве они встречаются в трилогии Д. Батожабая, где рисуется время на рубеже XIX–XX веков, когда ламаизм получил широкое распространение на востоке Бурятии. Например: Туваан хамба 'Туван хамбо'. Хамбо – 'высший духовный сан в буддийских монастырях', Осор лама – тиб. od-ser 'испускающий свет'.

Известно, что личные имена деятелей ламаизма, данные им при рождении, редко кому известны. Они заменялись на новые после принятия ими монашеского обета, а со временем к ним добав-

лялись титулы и звания, которые отличались пышностью и звучностью. Так, в романе находим очень яркий, с авторским комментарием пример: "Далай ламада эрдэм ьургаал заадаг уьгэн багшань болохо Иондзын-Римбочэ гу, али "үнэтэ ехэ багша" гэдэг алдартай Лобсон-Цултим-Чьямба-чямца гэжэ шажанай нэрэтэй үндэр наһатай лама Далай ламын нэрээр энэ нюуса суглаа татаа юм" - "Иондзын Римбоче, старый учитель, преподававший Далай-ламе основные науки, известный как "драгоценный великий учитель", который имеет религиозное имя Лобсон-Цултим-Чьямба-чямца, от имени старого Далай ламы созвал тайное собрание".

В романе находим имена тринадцати далай-лам: Гэндэн-дуб, Гэндэн-чямца, Содном-чямца, Иондо-чямца, Агбан-Лобсан-чямца, Санжей-чямца, Агбан-еши-чямца, Чьямбал-чжимца, Луцдок-чямца, Султим-чямца, Хайдаб-чямца, Приньлай-чямца, Тубден-чямца, где чямца - бур. Замса 'море'.

В рассматриваемых романах можно в определенной мере проследить появление и оформление фамилий у бурят по русскому образцу. Так, в "Пути праведном" приказчик селенгинского острога Демьян Многогрешный; предлагая Шодо поступить на службу, говорит: "Шодо Болтироков, арбан наймагай, острогто тулмааша боложо шадаха" - "Шодо Болтироков, восемнадцати лет, может быть толмачем в остроге". В авторской же речи и в речи героев-бурят фамилия оформляется по традициям именованя у бурят - Болтирогой Шодо.

В романе "Доржи, сын Банзара" закономерно, что герои носят фамилии, оформленные по-русски, и эти фамилии употребляются в официальных местах (например, во время учебы в классных журналах: Чимит Гармаев, Рандаг Сампилов, Муни Батуев). Иногда такие фамилии носят высокопоставленные должностные лица (например, тайша Ломбоцьренов: "Ломбоцьренов тайшаа баян ноёншье, эрдэмтэй залуушье хун аад, яахадаа заримдаа өврөө эдилгэ үгэнэб" - "Ведь тайша Ломбоцьренов-богатый начальник, образован и молод, но почему же и он иногда дает взятки?").

В употреблении русских имен писатели старались строго придерживаться исторического соответствия и мотивированности. Например, в романе Б. Санжина стилистически верно употребляется старая форма имени Михаил с "о" на конце - Михайло. Автор последовательно использует эту форму как в авторской речи, так и в речи героев: "Хараһан хумни шэнгил даа, теэд хэншье һынь мэдэнэгүйб, - гэбэ Михайло". - "Вроде бы это человек, которого

я где-то видел, но кто он, не знаю, - сказал Михайло". Головин: Ши, Михайло, энэ залуу хуниие эдэгээжэ үзэ. Головин: "Ты, Михайло, постарайся вылечить этого молодого человека",

Мотивированное, точное употребление личных имен персонажей в художественных произведениях на историческую тему способствует в определенной степени созданию колорита прошлой эпохи. В статье были рассмотрены только такие антропонимы, которые служили исторической стилизации.

¹ См.: А.Г. Митрошкина под "исконно бурятскими" антропонимами подразумевает имена, образованные от апеллятивов бурятского языка, а также из монголо-бурятских, тюрко-монгольских или общеалтайских элементов: Бурятская антропонимия. - Новосибирск: Наука, 1987. - С. 73.

² "Самыми многочисленными заимствованиями тибетского языка в монгольский письменный язык, в частности в язык бурятских рукописей, являются собственные имена людей", - пишет Ц.Б. Цыдендамбаев. (Бурятские исторические хроники и родословные. - Улан-Удэ, 1972. - С. 504.

³ См.: Дульзон А.П. Кетские имена и прозвища // Ономастика Востока. - М.: Наука, 1980. - С. 5-8; Митрошкина А.Г. Указ. работа. - С. 76-91; Сельвина Р.Л. Калмыцкие личные имена // Этническая ономастика. - М.: Наука, 1978. - С. 177-182; Шатинова Н.Ц. К истории алтайских имен // Этнография имен. - М.: Наука, 1971. - С. 65-70; Сопиева Г.К. Лексические источники личных имен у туркмен // Ономастика Средней Азии. - М.: Наука, 1978. - С. 177-182.

⁴ Сельвина Р.Л. Указ. работа. - С. 90.

⁵ Митрошкина А.Г. Указ. работа. - С. 77.

⁶ См.: Козин С.А. Сокровенное сказание. М.; Л., 1941. - Т. I.

⁷ См.: Митрошкина А.Г. Указ. работа. - С. 61-62.

⁸ Там же. - С. 72.

⁹ См.: там же. - С. 87.

¹⁰ Например, Р.З. Шакуров в статье "Рифмование имен у башкир", пишет: "Это одна из примечательных особенностей в общахья имянаречения и в бытовании личных имен у башкир, подбор созвучных, рифмующихся имен по различным линиям родства" // Ономастика Востока. - М.: Наука, 1980. - С. 49.

¹¹ А.Г. Митрошкина дает такое объяснение непопулярности этого имени: "Редкость личного имени Шоно в раннюю эпоху монголов, возможно, объяснима тотемическим происхождением генонима Чинос, что сопровождалось табуированием его и уменьшало

антропонимические потенции апеллятива. - См.: Указ. работа. - С. 81.

12 См.: Жанузаков Т.Ж. Социально-бытовые мотивы в казахской антропонимии // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. - М.: Наука, 1970. - С. 196.

13 См.: Митрошкина А.Г. Указ. работа. - С. 99.

14 См.: Митрошкина А.Г. Указ. работа. - С. 96-98.

15 См.: Жуковская Н.Л. Заметки о монгольской антропонимии // Ономастика Востока. - С. 9.

16 См.: т а м ж е. - С. 10.

17 См.: Поппе Н.Н. Халха-монгольский героический эпос. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. - С. 28.

18 См.: Залкинд Е. Присоединение Бурятии к России. - Улан-Удэ, 1958. - С. 83, 84.
